

— Эй! Как тебя там? Заканчивай с ресепшеном — и бе-гом сюда!

Громкий зов разрывает тишину коридора. Голос требо-вательный, не терпящий возражений. Начальник, однако.

Санитарка Татьяна поправляет чепчик, быстро доти-рает клочок затоптанного линолеума около регистратуры, которую начальник, он же главный хирург клиники, наве-личивает новомодным «ресепшеном». Пол быстро затапты-вают немногочисленные посетители, несмотря на plasti-ковые бахилы, надетые на обувь. Слякотная погода октября не даёт выбора.

Татьяна берёт в правую руку, одетую в синюю резино-вую перчатку, ведро с водой, в другую — швабру и быстро семенит в сторону предоперационной. При широком шаге легко поскользнуться на свежeweымытом полу и растянуть-ся в самый неподходящий момент.

Вы подумаете, что санитарка — это старая ворчливая тётка в синем халате, галошах на босу ногу, с криво повя-занным платком, из-под которого выбиваются седые пря-ди, и, конечно, со шваброй двухметровой длины. И ошибё-тесь! Современная санитарка — это чаще всего женщина среднего возраста или вовсе девушка от восемнадцати лет. Первые, как правило, — сокращёнки, с приличным образо-ванием, а вторые — студентки или гастарбайтеры. Текучка

в этом бизнесе — обычное дело. В клинике их просто не запоминают и не церемонятся, при разговоре напропалую «тыкают», как будто подчёркивая иерархически-кастовое положение.

Татьяне такое обращение очень не нравилось, особенно обращение начальника. Её неутолённая душа страдала. Сначала она пыталась как-то угодить ему, показывая свою старательность, прибирала в его кабинете до блеска, улыбочиво здоровалась. Но по всем признакам начальник был эмоционально тупым врождённым хамом, что не мешало ему быть гениальным тридцатидевятилетним хирургом, успешным бизнесменом и хозяином клиники.

Она вошла в предоперационную, вопросительно посмотрела на главного, избегая смотреть в глаза.

— Ну ты чё так долго? Тормоз, что ли? Помоги Маринке. Маску и бахилы надень. Там стерильно.

Татьяна уже почти рот открыла ответить, что и без него знает, как заходить в операционную, что в операционной должна быть своя санитарка, что он экономит на персонале, что за эту работу ей положена доплата, что средства для мытья покупает самые дешёвые, и от них у неё может быть аллергия, и что он вообще жлоб!

Эти мысли горячим вихрем взмыли в голове Татьяны куда-то вверх, но, ударившись о купол черепной коробки, мгновенно осыпались кучкой пыли, застряв где-то в горле, в районе голосовых связок.

Главный уже отвернулся и заговорил со своим ассистентом, которому тоже иногда доставалось.

— Таня, подойди, пожалуйста, ко мне,— позвала операционная сестра.

С ней Татьяна всегда ладила и помогала безотказно.

Уже с самого утра у Татьяны крутилась одна и та же мысль: «Уволюсь и всё выскажу в лицо этому...» Она автоматически елозила шваброй по полу, мысленно сочиняя свой монолог и оттачивая фразы. Иногда натыкалась на ноги посетителей, извинялась и продолжала напряжённо думать, механически выполняя работу.

Наконец Татьяна решилась и выпалила на одном дыхании, когда главный выходил из операционной и неспешно направлялся в свой кабинет:

— Э-э-э, Теодор, э-э-э, И-и-иваныч! Я увольняюсь!

Но дальше наступил ступор. Рот высох, язык как отнялся. Весь возможный горячий монолог просто стёрся под насмешливо-глумливым взглядом главного. Татьяне даже показалось, что из-под его верхней губы показались клыки вампира.

Продолжая движение, Теодор Иванович невозмутимо бросил через плечо:

— Вымой у меня в кабинете, напиши заявление и вали.

«Ну вот и всё», — с облегчением подумала Татьяна и изменила последовательность рекомендованных действий. Сначала написала заявление об увольнении, занесла его начальнику. Тот молча подписал, толкнул пальцем лист бумаги Татьяне. В верхнем левом углу красовалась надпись: «Уволить без отработки. Расчёт сразу!»

Пока Татьяна относила заявление главному и единственному бухгалтеру клиники, начальник ушёл. Подумав минутку, Татьяна приступила к реализации первой части словестного распоряжения начальника.

Следуя алгоритму работника ведра и швабры, наполнила неизменную двенадцатилитровую ёмкость чистой водой, щедро добавила в ведро моющего средства, вымыла пол в кабинете, протёрла той же тряпкой стол и кожаное кресло.

Осмотрелась: всё ли сделала в свой последний час работы? Усмехнулась своим мыслям, задумчиво посмотрела на чайную чашку с блюдцем, неспешно вымыла их в том же ведре, тщательно стирая чайный пигмент, крепко въевшийся во внутреннюю поверхность фарфора, и поставила любимую чайную пару начальника на прежнее место.

«Кажется, теперь всё, можно сваливать», — подумала Татьяна, ощущая свободу и гордость за себя.